

Глава III. "Я знаю - в жизни счастья нет". (1913-1914)

*И мне весь свет улыбки шлет,
Но только полные презренья,
И мне судьба привет несет,
Но слезы вместо утешенья.*

1. Первые конфликты с окружением

Впервые Есенин приехал в белокаменную ненадолго летом 1911 года. Теперь он снова попадает в столицу, уже надолго, поселившись у отца в Б. Строченовском переулке. "Отец вызвал его к себе в Москву, - пишет А. Есенина, - и устроил работать в контору к своему хозяину с тем, чтобы осенью Сергей поступил в учительский институт". Однако поступать в институт Сергей не захотел. Он не оправдал надежд родителей. Путь к поэтической славе, который он выбрал, теперь сам направлял его поступками, желаниями, тревогами, творчеством и поиском реализации своих возможностей. Он мечтал о поэтическом признании. Ему хотелось напечататься в каком-нибудь журнале или газете, встретиться с московскими поэтами, получить от них похвалу, надежду на будущее. К этому времени у него уже было написано много стихов.

Но сначала Александр Никитич устроил сына в контору к своему хозяину в надежде на учительскую карьеру сына. Гордый и самолюбивый Сергей проработал в конторе одну неделю. Ему не понравились существующие там порядки. Особенно, по словам его сестры, он не мог примириться с тем, что когда входила хозяйка, все служащие должны были вставать. Это чем-то напоминало школьные правила. Находящийся в крайне угнетенном состоянии, Есенин не захотел этого делать, разругался с хозяйкой и ушел. По мнению Ганнушкина, шизоиды вообще оказываются неспособными нерегулярной профессиональной деятельности, особенно к службе под чужим началом. Они часто по ничтожным поводам внезапно отказываются от работы, переходят от одной профессии к другой и т. д. Все это чрезвычайно мешает их жизненному успеху и, озлобляя их, еще более усиливает обычно свойственные им замкнутость и подозрительность.

Есенин с большим уважением относился к отцу. Сам ощущающий унижения и невнимание к своим интересам и проблемам, он понимал, что на долю отца также выпало много горя и невзгод. Однако традиционное непонимание Александром Никитичем характера своего сына, его страстной жажды поиска славы и его заветной мечты стать великим поэтом, привели к разладу и непониманию между ними. Зная по жизненному опыту, как трудно без образования выбиться в люди, он сетовал на нежелание сына продолжать учебу. Со своей стороны Сергей никак не реагировал на родительскую затею - сделать из него учителя. С горечью он видел, что Сергей увлечен лишь одним - стихами, которые по его убеждению, для крестьянского парня были пустой затеей.

Все это сильно угнетало Сергея. Его претензии на понимание и уважение со стороны других людей заставляют Есенина относиться враждебно к тем, кто пытается разрушить его иллюзии о своем вымышленном мире идеалов и предпочтений. Отсюда и возникающие в Есенине нетерпимость к несогласию с отцом и нетерпеливость действий.

Он опрометчиво, по мнению родителей, отказывается от работы, не хочет учиться, весь погружен в бессмысленные мечтания и фантазии. Сложность психики Есенина проявляется в его отношениях с окружающими. Он внутренне как бы ни связан с ними, постоянно обижается на их критические замечания. Сергей начинает конфликтовать с отцом. Внутренне он ощущает раздражение и одиночество, от которого страдал всю свою жизнь. Начиная с этого времени, его поступки и мысли посвящены только одной идее - стать признанным поэтом.

А пока все складывается не очень удачно. В редакциях журналов и газет, куда обращается Есенин, к стихам неизвестного крестьянского паренька относятся довольно сдержанно и не торопятся с их публикацией. Сергей уходит от отца и поселяется у С.Н. Кошкарлова, одного из руководителей Суриковского кружка, активно посещая собрания пролетарско-крестьянских писателей. Есенин надеялся на признание, но скорее всего он оказался на вторых ролях и ощущение своей никчемности снова усилились. В сентябре он устроился продавцом в книжный магазин в районе Страстного бульвара. Это была его первая работа, которая дала ему небольшую самостоятельность и кусок хлеба.

Есенин чувствует себя по-прежнему одиноким. Как жить дальше? Где тот основной путь его, который приведет к славе. Единственные люди, с кем Сергей ведет откровенный разговор - это Гриша Панфилов, его Спас-Клепиковский друг и Маша

Бальзамова, с которой у Есенина устанавливаются сложные романтические отношения.

"Мы открывали все,— все, что только чувствовали, — друг перед другом", - пишет о Грише Панфилове Есенин в письме Бальзамовой. Есенин относился к Панфилову с большим доверием, одному из первых читал новые стихи, внимательно прислушивался к его замечаниям, советовался по поводу новых замыслов, делился своими раздумьями о жизни. Их отношения друг к другу, искренность и добросердечие хорошо видны из переписки, которую Есенин вел с Панфиловым в 1911—1914 годах. Гриша, стал настолько близок Есенину, что последний делился с ним всеми своими потаенными мыслями и переживаниями, которые по переезде в Москву все более стали одолевать Сергея.

Есенин пишет своему другу: "Я вижу, тебе живется не лучше моего. Ты тоже страдаешь духом, не к кому тебе приютиться и не с кем разделить наплывшие чувства души; глядишь на жизнь и думаешь: живешь или нет? Уж очень она протекает-то слишком однообразно, и что новый день, то положение становится невыносимее, потому что все старое становится противным, жаждешь нового, лучшего, чистого, а это старое-то слишком пошло. Ну ты подумай, как я живу, я сам себя даже не чувствую. «Живу ли я, или жил ли я?» — такие задаю себе вопросы после недолгого пробуждения».

В Есенине резко проявляется дуализм восприятия мира. Его стихи о родной природе, навеянные воспоминаниями о детстве, о константиновских просторах, постоянно перемежаются унылой и горестной лирикой. Вглядываясь в окружающую его жизнь, поэт видит, что мечты его несбыточны, действительность беспроблемна и сурова, непризнание и впадение в ничтожество неумолимо. Тем более, что отношения с Машей Бальзамовой постоянно находятся в неустойчивом состоянии.

Сначала он радостно сообщает Грише, что может познакомить его со своей подругой по переписке, говоря, что "она хочет идти в учительницы с полным сознанием на пользу забитого и от света гонимого народа". Предупреждает Машу быть готовой к переписке с Панфиловым. Но через некоторое время он, обиженный ее молчанием, резко пишет своему другу: "Э! Ты не жди от синьорины Бальзамовой ответа. Я уже с ней прикончил чепуху. Право слово, впоследствии это для нее будет вредно, если она будет возжаться за мной. Письмами ее я славно истопил бы печку, но черт меня наемкнул бросить их в клозет...Хорошо, все так кончилось. При встрече — слезы, при расставании — смех и гордость. Славно! Конец неначинающегося романа!"

Невротические обиды, желание, чтобы все подчинялось его требованиям жизни и отношения к нему строились лишь на похвалах и сочувствии ему, вносит разлад и в его отношения с самим Гришей. "Если ты требуешь своим письмом от меня всего красивого, чистого, благородного, деликатного, но лицемерного, то знай, это не есть искренность, а я тебе сказал именно так (искренне). Если что-либо и встретилось в моем письме, затрагивающее струны твоей души, то знай, я не отвлеченная идея (какая-либо), а человек, не лишенный чувств, и недостатков, и слабостей. *Вина не моя, что ты нашел оскорбление в моем письме,— вина твоя, что ты не мог разобраться*" (курсив мой – А.Л.)

В конце 1912 года Есенин получает долгожданное письмо от Маши Бальзамовой, хотя не надеялся на это. Он снова жалуется на свою жизнь, рассказывая о приставаниях девушек (сексуальность еще не пробудилась в Сергее, и он боялся связей с женщинами) довольно грубыми словами. "Живу я в конторе Книготоргового т-ва «Культура», но живется плохо. Я не могу примириться с конторой и с ее пустыми людьми. Очень много барышень, и очень наивных. В первое время они совершенно меня замучили. Одна из них,— черт ее бы взял,— приставала, сволочь, поцеловать ее и только отвязалась тогда, когда я назвал ее дурой и послал к дьяволу. *Никто почти меня не понимает, всего только-только двое слушают охотно; для остальных мои странные речи.* Один — академик, другой — очень серьезный и милый юноша, как и я, чужды всем. *Я насмехаюсь открыто надо всеми,* и никто не понимает, лишь они...

Обнимаю тебя, моя дорогая! *Милая, почему ты не со мной и не возле меня?* "

В феврале Есенин увольняется из книжной лавки и уезжает в Константиново. Настроение у него самое отвратительное, начинаются нелады с отцом, поэтическое признание, которого он так жаждет, остается далекой и почти несбыточной мечтой.

"Дорогой Гриша! -пишет Есенин своему другу. Прости, что долго не писал. (Забудем прошлое, уставим общий лад.) Гриша, сейчас я нахожусь дома.... Сейчас я совершенно разлаженный. Кругом все больно и на все тяжело и обидно. Не знаю, много ли времени продолжится это животное состояние. *Я попал в тяжелые тиски отца.* Жаль, что Я молод!.. Никак не вывернешься.

Не знаю, что и писать, и голова тяжела, как свинец. Отовсюду по роже скользит влага. Удрученное состояние. Скоро поеду в Рязань".

2. Трагическое ощущение мира

Однако без содействия отца Сергей не может найти способ заработать себе на жизнь. В конце марта 1913 года с помощью Александра Никитича, да еще благодаря хлопотам поэта С.Н. Кошкарлова, у которого Есенин жил в то время, он устраивается на работу в типографию И.Д. Сытина на Пятницкой улице. Общими усилиями решено было устроить на службу неисправимого поэта и мечтателя.

Сытинская типография была огромна. Более полутора тысяч рабочих трудилось в то время в ее цехах и отделах. Каждая четвертая книга России печаталась здесь. Сам Сытин был одним из тех просветителей-самородков, которые помогали России стать грамотной. "Фабрика с ее гигантскими размахами, - вспоминает поэт Деев-Хомяковский, - и бурливой живой жизнью произвела на Есенина громадное впечатление". Очувтившись в необычной для него обстановке, Есенин присматривается к коллективу, жадно ожидая доброжелательного отношения к себе. Поначалу, как обычно, он испытывает некоторую робость и скованность в движениях. «Пришел он кроткий, застенчивый, стесняющийся всех и всего»,— рассказывает Анна Изряднова, работавшая в корректорском отделении с 1909 года. Она же замечает, что Есенин «по внешнему виду на деревенского парня похож не был... На нем был надет коричневый костюм, высокий крахмальный воротничок и ярко-зеленый галстук и... копна золотистых кудрей. Окружающие окрестили его по первому впечатлению «вербочный херувим».

Сергей Есенин. 1914 год.

Но это было только первое впечатление. Кротость являлась первой маской, которую надевал поэт при общении с людьми. Он как бы хотел изначально привлечь людей на свою сторону, ожидая, что они также сделают такой шаг по отношению к нему. Скованность скоро прошла, и проявились его истинные качества его невротического характера. *"Был очень заносчив, самолюбив, - отмечает та же Анна Изряднова, - его невзлюбили за это. Настроение было у него угнетенное: он поэт, а никто не хочет этого понять, редакции не принимают в печать. Отец журит, что занимается не делом, надо работать, а он стихишки пишет"*.

«В корректорской я работала вместе с Есениным, -

рассказывает М.М. Мешкова.— Он был у меня подчитчиком. Я знала, что он пишет стихи. Есенин читал их мне. и сестрам Изрядновым, с которыми я дружила. Однажды я предложила Есенину показать стихи моему брату, у которого незадолго перед этим вышла книга стихов. Есенин охотно согласился. Прочитав стихи Есенина, брат сказал, что автор недостаточно владеет литературной техникой, но талант у него есть. Это бесспорно. Я передала Есенину все, что услышала от брата. Он был очень обрадован. Лицо просветлело. *Тогда ему был важен любой сочувственный отзыв о его стихах».*

Есенин вновь начинает посещать собрания Суриковского кружка, который являлся своеобразной поэтико-политической организацией. Пролетарско-крестьянские поэты, связанные с социал-демократическим движением, гордо отворачивались от столичной, "интеллигентской" поэзии, представленной именами Блока, Иванова, Брюсова, Северянина, Ахматовой. Они считали, что в их кружке "действительным членом может быть писатель, вышедший из народа и не порвавший с ним духовной силы".

Когда Есенин первый раз прочел свои стихи о природе на заседании Суриковского кружка, его стихи не вызвали особого восторга. "Они, - вспоминает Шаров, - искушенные поэты, просто пожимали плечами в крайнем недоумении и смущении...А когда он кончил читать, то все смотрели друг на друга, не зная, что сказать, как реагировать на совсем непохожее, что приходилось слышать до сих пор.

Есенин же, вытирая вспотевшее лицо платочком, смиренненько сидел и, казалось, с какой-то хитрецей наблюдал за смущенными лицами слушателей. *Думаю, что он и тогда, правда, может быть, инстинктивно, сознавал свое значение, ощущал значительность своего дарования. Мне показалось, хотя я был только на четыре года старше его, что Есенин пришел к нам именно затем, чтобы удивить, поразить, а вовсе не затем, чтобы выслушать наше мнение о своем творчестве и просить какого-то содействия в напечатании стихов".*

Внутренняя потребность Есенина писать о чем-то своем, была воспринята "народными" поэтами с непониманием. Не придавая особого значения его стихам, Сергея привлекли зато к распространению нелегальной литературы, что чуть позже доставило ему большие неприятности. Отсутствие хоть какого-то маленького признания его способностей страшно тяготит юношу. Он слышит только сказанные свысока поощрения, видит улыбки, ничего не значащие слова, мол, давай, Сергей, молодец. Однако Суриковцам нужен был не поэт Есенин, а агитатор и

распространитель подпольной литературы, еще один винтик в социал-демократическом рабочем движении. Молодого поэта это никак не устраивало.

Тайные переживания Есенина, его гордость и самолюбие вносят огромное расщепление в его отношения с людьми. В его сознании проникает идея о "сверхчеловеке", о мессии, несущем миру свет, и благодать. Во главу угла Есенин ставит моральные качества личности, отвергая их страсти, пороки, и даже чисто человеческие недостатки. Его эгоцентричность возрастает, причем она связана не с эгоизмом поведения, а с тем, что Сергей полностью погружен в себя. Он начинает жить своей собственной религией, каким-то идеализированным образом, выполняет свои обязанности, возникающие из его поиска славы, которые как бы оберегают его духовный мир от вторжения других. В результате Есенин не только все сильнее эмоционально изолируется от окружающих его людей, в том числе и от отца, но ему становится все трудней различать в других людях их собственную правоту, которая отлична от его правоты и его претензий.

В апреле он вновь исповедуется своему другу. Произошел очередной конфликт с отцом и Есенин вновь хочет куда-то бежать. "Извини, что так долго не отвечал. Был болен, и с отцом шла неприятность. Теперь решено. *Я один. Жить теперь буду без посторонней помощи.* После пасхи, как и сказал мне дядя, еду в Петербург в имение, которое недалеко находится от Финляндии и где живет он сам. Эх, теперь, вероятно, ничего мне не видать родного. Ну что ж! *Я отвоевал свою свободу. Теперь на квартиру к нему я хожу редко. Он мне сказал, что у них «мне нечего делать».* Черт знает, что такое. *В конторе жизнь становится невыносимой. Что делать?*

Пишу письмо, а руки дрожат от волнения. Еще никогда я не испытывал таких угнетающих мук.

Грустно... Душевные муки

Сердце терзают и рвут,

Времени скучные звуки

Мне и вздохнуть не дают.

.....

Доля, зачем ты дана!

Голову негде склонить,

Жизнь и горька и бедна,

Тяжко без счастья жить".

Полная неуверенность в отношении окружающих, склонность ожидать худшего, неосознанно усиливает его страх перед людьми. Эта боязнь людей соединяясь с гордостью и внутренней самоуверенностью Сергея, ослабляет его восприятие действительности. В нем возникает презрение к себе, которое еще больше обостряет его внутренние конфликты. Он становится уязвимым со всех сторон и нужно совсем немного, чтобы уязвить его самолюбие, вызвать чувство вины, раскаяния. Психическое равновесие Есенина так неустойчиво, что он начинает увлекаться евангельскими настроениями.

"Гриша, - продолжает письмо Есенин, - в настоящее время я читаю Евангелие и на хожу очень много для меня нового... Христос для меня совершенство. Но я не так верую в него, как другие. Те веруют из страха: что будет после смерти? А я чисто и свято, как в человека, одаренного, светлым умом и благородною душою, как в образец в последовании любви к ближнему".

Есенин заканчивает письмо строками из начатого им стихотворения "Смерть". Само название это уже говорит о глубоких сомнениях Сергея в самом факте важности жизни. Он как бы приходит интуитивно к учению стоиков, которые говорили, что жизнь есть подготовка к смерти. Неустроенность, непонимание со стороны окружения его, уязвленная гордость - все это приводит Сергея к философской оценке проблемы жизни и смерти и проблемы смысла существования человека.

"Ни у Пушкина, ни у Лермонтова, - пишет Ст. Куняев, - ни у Блока (да кого угодно возьмем — Гоголя, Некрасова, Тютчева) мы не найдем в таком юном возрасте столь глубоких размышлений о самых сложных тайнах бытия, совести, человеческого призвания, религиозного поиска. Диапазон сомнений и чувств в письмах чрезвычайно широк — от наивности до мудрости, от глубочайшей веры до отчаяния, от мучительного самоанализа до растворения своего «я» в море христианского чувства". Есенин стремится понять тайну жизни, тайну мироздания, уяснить цель жизни, понять свое предназначение, освободиться от оков связывающей его и ненавистной ему действительности. Но в основе этого лежит его страх пред людьми, осуждение и непонимание жизни других, их проблем и простого житейского мировоззрения.

"Я человек, познавший Истину, - утверждает Есенин в письме Панфилову от 23 апреля 1913 года, в очередном приступе своей гордости и эгоцентризма, - я не хочу

более носить клички христианина и крестьянина, к чему я буду унижать свое достоинство? Я есть ты. Я в тебе, а ты во мне... Не будь сознания в человеке по отношению к «я» и «ты», не было бы Христа и не было бы при полном усовершенствовании добра губительных крестов и виселиц. Да ты посмотри, кто распинает-то? Не ты ли и я, и кого же - опять, меня или тебя... Живи так, как будто сейчас же должен умереть, ибо это есть лучшее стремление к истине... Ничья душа не может не чувствовать своих страданий, а мои муки — твоя печаль, твоя печаль — мои терзания....

Злобою сердце томиться устало,
Много в нем правды, да радости мало".

Отверженность от людей, полное погружение в свои думы, свои проблемы и свои невротические претензии привели к тому, что окружающие его знакомые люди стали беспокоиться за его душевное здоровье. *"Меня считают сумасшедшим, - сообщает он Грише эту новость, - и уже хотели было везти к психиатру, но я послал всех к сатане и живу, хотя некоторые опасаются моего приближения"* (курсив мой – А.Л.).

Об этих своих конфликтах с окружением он пишет и Маше Бальзамовой: "Я знаю, ты, конечно, уже все слышала о последнем моем периоде жизни. Маня, я искренно жалею, что не пришлось довершить до конца - святых порывов; сил не хватило переносить насмешки и обиды.... Воли у меня хватило бы идти на крест, но силы душевной и телесной совершенно был лишён я. Ну:.. Впрочем, я об этом никому никогда не расскажу, и к чему поднимать старые раны!.. Ох, как тяжело, Маня! Да и зачем я буду мучить себя. Слишком больно!"

3. Эпистолярный роман с М.Бальзамовой

Тягостное состояние Сергея отражается и на его любовных переживаниях. В его невротическом сознании укрепляется чувство, что он не может быть любимым. В Есенине укореняется ощущение, которое сопровождало всю его жизнь, что не достоин любви, и что его никто и никогда не полюбит.

"Да, кстати, - продолжает он в своем письме к Маше Бальзамовой, - нам

необходимо с тобой увидеться и излить пред собою все чувства; но это немного спустя, когда ты устроишься одна... Я боюсь только одного: как бы тебя не выдали замуж. Приглянешься кому-нибудь и сама... не прочь—и согласишься.... Ведь, Маня, милая Маня, слишком мало мы видели друг друга. Почему ты не открылась мне тогда, когда плакала? Ведь я был такой чистый тогда, что и не подозревал в тебе этого чувства. Я думал, так ты ко мне относилась из жалости, потому что хорошо поняла меня. И опять, опять: между нами не было даже,— как символа любви,— поцелуя, не говоря уже о далеких, глубоких и близких отношениях, которые нарушают заветы целомудрия, и от чего любовь обоих сердец чувствуется больнее и сильнее".

Есенин считает себя как бы недостойным любви, полагая, что его любят из жалости, а не за его человеческие качества. Такой человек, по словам Карен Хорни: "склонен...принимать фаталистическую установку и рассматривать свою недостойность любви как мистический акт". Есенин в этот период ждет какой-то совершенной любви, он подсознательно ждет, что эта любовь избавит его от тягостных переживаний. От обиды на всех. От ненависти к себе. В Сергее возникает возросшая потребность в любви, которая должна освободить его от его невротических переживаний. Он принижает себя, даже презирает, надеясь, что любовь, чистая и мистическая избавит его от ненависти к себе за неудавшуюся жизнь.

"Я слышал, - пишет он, - ты совсем стала выглядеть женщиной, а я ведь пред тобою мальчик. Да и совсем я невзрачный. Я уже было разочаровался в получении вести от тебя. Ты знаешь, я не курю, но думаю начать. Очень скучно, а работать, заняться чем, так я и совсем себе отдыху не даю. Последнее время пишу поэму «Госка», где вывожу под героем самого себя и нещадно критикую и осмеиваю. Что ж делать, - такой я несчастный, что и сам себя презираю. Только тебя я не могу понять, смешно, право, за что ты меня любишь? Заслужил ли я? Ведь это было как мимолетное виденье".

Мы не знаем, к сожалению, что писала Есенину Маша Бальзамова. Она была обычной девушкой, любила танцы, живое общение, у ней были простые интересы. Жалобы Есенина, видимо, не очень были ей приятны. Поэтому в их отношениях наступает некоторая напряженность.

"Писать мне нет времени, - как то спокойно и даже равнодушно отвечает ей Сергей, - да и при том я уже больше и не знаю что. Относительно свидания я тоже не могу ничего сказать,— может быть, ты и не ошибаешься, что «никогда», *может быть!*...и далее : Письмо твоё меня огорчило; если действительно нет искренности,—

так к чему же надевать маску лицемерия. Лучше уж разом нанести удар, чем медленно точить острые язвы...

Я и так не видал просвета от своих страданий. Неужели ты намерена так подло меня мучить. Я пошел к тебе с открытой душой, а ты мне подставила спину, —но я не хочу, я и так без тебя истомился.

Довольно! Довольно!"

Есенин сильно переживает за стабильность отношений с Машей. Он постоянно волнуется, что не стоит ее внимания. Тем более, что к июню нарастает новый конфликт с отцом. "Бала полная распря! - пишет он Панфилову. - Отец все у меня отнял, так как я до сих пор с ним не примирился. Я, конечно, не стал с ним скандалить, отдал ему все, но сам остался в безвыходном положении. Особенно душило меня безденежье, но я все-таки твердо вынес удар роковой судьбы, ни к кому на обращался и ни перед кем не заискивал. Главное, голод меня миновал. Теперь я чувствую себя намного лучше". Сергей снова переживает стресс, а тут еще социал-демократическое окружение, которое постепенно подталкивает Есенина к участию в своих делах. Пусть несильно, но повлияло оно на мировоззрение Есенина этого периода. Бедствия и тяжелую жизнь народа Сергей стал принимать близко к сердцу, осуждая даже более объективно настроенную Бальзамову.

"Зачем ты проклинаешь несчастный, и без того обиженный народ, - возмущается Есенин в очередном письме. Конечно, милая Мария, я тебя за это ругаю, но и прощаю все по твоей невинности.

Зачем ты мне задаешь все тот же вопрос? Ах, тебе приятно слышать его. Ну, конечно, конечно, — люблю безмерно тебя, моя дорогая Маня. Я тоже готов бы к тебе улететь, да жаль, что все крылья в настоящее время подломаны. Наступит же когда-нибудь время, когда я заключу тебя в свои горячие объятия и разделю с тобой всю свою душу. Ах, как будет мне хорошо забыть все твои волнения у твоей груди. А может быть, все это мне не суждено! И я должен влачить те же суровые цепи земли, как и другие поэты. Наверное, — прощай сладкие надежды утешенья, моя суровая жизнь не должна испытать этого".

При всех внешних, не очень разнообразных и малоинтересных для Есенина событиях, внутренняя его жизнь очень напряжена. Поэтические и житейские неудачи резко обостряют его невротические претензии не только к отцу и окружающим его людям. В основном его гложет "непонимание", которое он обнаруживает у любимого

человека. Неважно насколько мрачным и раздражительным Сергей выглядит в своих письмах и в своем поведении. Он все равно претендует на понимание. Эта "романтическая", ставшая уже несколько искусственной любовь в письмах, превращается в целый комплекс "любовных" претензий Сергея, который требует от бедной Маши исключительной и безусловной преданности себе.

Почему я так сильно акцентирую внимание читателя на переписке Есенина с Бальзамовой. Да потому, что именно в этих письмах проявляются все типичные невротические черты Сергея, скрытые за его будничным поведением. И именно в этих письмах, страдание, как важная составная часть его гордости, выступает и как средство выражения обиды, и как форма его претензий. Это душевное страдание не только подчеркивается сильнее всего, но и более эмоционально переживается. Оно выступает в тесном союзе с его претензиями и его переживаниями о своем ничтожном существовании, которые также являются результатом его потаенной гордости.

"Маня, я не виновен совершенно в нашем периоде молчания. *Ты виновата кругом.* (курсив авт.). Я тебе говорил "когда-то, что я, думаю, приношу людям, которые меня окружают, несчастье, а потому или я их покидаю, или они меня. Я подумал, что я тебе причинил боль, а потому ты со мной не желаешь иметь ничего общего. С тяжелой болью я перенёс свои волнения. Мне было горько и обидно ждать это от тебя. Ведь ты говорила, что никогда меня не бросишь. Ты во всем виновна. Маня. Я обиделся на тебя и сделал великую для себя рану. Я разорвал все твои письма, чтобы они более никогда не терзали мою душу. Ведь ты сама понимаешь, как тяжело переносить это. Но виновата ты. Я не защищаю себя, но все же ты, ты виновная.

Прости меня, если тебе обидно слышать тебе обидно слышать мои упреки, -ведь это я любя. Ты могла ответить Панфилову, и то тогда ничего бы не было. Долго не получая письма, я написал ему, что между тобой и мной все кончено. (Я так думал.) Он выразил глубокое сожаление в следующих словах: «Неужели и она оказалась такой же бездушной машиной; жаль, Сережа, твои ошибки"...

В следующем письме Сергей посылает Бальзамовой довольно слабое стихотворение, которое написал давно, но все не мог отправить его по адресату.

Ты плакала в вечерней тишине,
И слезы горькие на землю упали,
И было тяжело и так печально мне,—

И все же мы- друг друга не поняли.....

Обычное, подражательное стихотворение. В этот период у Есенина было много слабых стихов, но он еще не понимал этого, переживая из-за снисходительного к ним отношения. Чувства юного поэта по-прежнему обострены до крайности. В середине 1913 года он снова пишет удивительно откровенное письмо, в котором как в зеркале отражаются характерные особенности его душевного состояния.

"Ты называешь меня ребенком, но — увы — я уже не такой ребенок, как ты думаешь, меня, „жизнь достаточно пощелкала, особенно за этот год. Мало ли какие были у меня тяжелые минуты, когда к сознанию являлась мысль: да стоит ли, жить? ...я встретил на пути жестокие преграды, и, к сожалению, меня окружали все подлые людишки. Я не доверяюсь ничьему авторитету, я шел по собственному расписанию жизни, но назначенные уроки терпели крах. Постепенно во мне угасла вера в людей, и уже я не такой искренний со всеми. Кто виноват в этом? Конечно, те, которые, подло надевая маску, затрагивали грязными лапами нежные струны моей души. Теперь во мне только еще сомнения в ничтожестве человеческой жизни...

Во мне все сомнения, но не думай, чтоб я из них извлекал выгоду; я положительно от себя отказался, и если кому-нибудь нужна моя жизнь, то — пожалуйста, готов к услугам, но только с предупреждением: она не из завидных.

Любить безумно я никого еще не любил, хотя влюбился бы уже давно, но ты все-таки стоишь у дверей моего сердца. Но, откровенно говоря, эта вся наша переписка — игра, в которой лежат догадки, — да стоит ли она свеч?

Я еще вполне не доверяюсь тебе, но все-таки тебя люблю за все, как ни смешно, что это «все» — в письмах. Но моя душа как будто переживает те счастливые минуты, про которые ты мне говоришь из своего далека.

На курсы я тебе советую поступить; здесь ты узнаешь, какие нужно носить чулки, чтоб нравиться мужчинам, и как строить глазки и кокетливо подводить их под орбиты. Потом можешь скоро на танцевальных вечерах (в ногах — твоя душа) сойтись с любым студентом и составишь себе прекрасную партию, и будешь жить ты припеваючи. Пойдут дети, вырастят какого-нибудь подлеца и будете радоваться, какие получает он большие деньги, которые стоят жизни бедняков...

Если письмо мое поразит тебя колкостями, то я в таком состоянии, когда мне все

на свете постыло, — и сам себе не мил, и даже ты не хороша.

Верно, Маня, мало в тебе соков, из которых можно было бы выжать кой-что полезное, а это я говорю на основании твоих слов: «Танцы—душа моя!» Бедная, душу-то ты схоронила в ноги! Зачем, когда так много хороша иначе...

Я смело решил отпаривывать удары судьбы. И даже если ты со мной прикончишь неначинающийся роман, вынесу без боли и сожаления. На все - удел терпения".

Судя по письмам, Есенин постоянно находился в состоянии депрессии. Однако такое состояние не могло долго продолжаться у молодого, полного сил и сексуальной энергии парня. Природа всегда берет свое. Эпистолярный роман с Машей Бальзамовой подходит к концу. Их интересы и, главное, отношение к жизни, взгляды, психологическое состояние становятся непохожими, возникает натянутость в общении, появляются взаимные претензии. При всем недовольстве своей жизнью и окружающими его людьми, Сергей постепенно вливается в жизненный поток и находит в нем некоторое успокоение. Голубоглазый, красивый, улыбающийся парень нравился девушкам. Не упустила своего шанса и корректорша Анна Изряднова, которая жила со своими сестрами: Серафимой и Надеждой.

Молодой поэт часто стал бывать в их доме на Смоленском бульваре, встречая живое участие и поддержку своим литературным делам. Девушки много читали, увлекались поэзией, бегали на лекции, рабочие собрания, митинги. Приходя к ним, Есенин читал свои стихи, спорил с ними о Блоке, Бальмонте, Северяnine и других современных поэтах. Анна влюбилась в Сергея и старалась ему помочь, хотя замечали все особенности его непростого характера. Влюбившись не на шутку, она постепенно входила в доверие Есенина, помогая ему и вовлекая юношу в круговорот простой московской жизни. "Ко мне он очень привязался, - вспоминает Анна Изряднова, - читал

Анна Сардановская и Маша Бальзамова. 1913 год

стихи. Требователен был ужасно, не велел даже с женщинами разговаривать — они нехорошие".

У Есенина была в то время патологическая боязнь женского пола и сексуальных контактов. Любовный опыт у Сергея был небольшой. Сначала романтическая влюбленность в Анну Сардановскую, закончившаяся "изменой" последней. Девушка вышла замуж за другого и забыла о своем детском обещании. Затем знакомство с

Бальзамовой, и начало "эпистолярного" романа. Поиск защиты от недружественного внешнего мира в "платонической" переписке также не дал спокойствия истерзанной душе Есенина. Известно, что при неврозах сексуальное возбуждение и желание отделены от чувства любви. Но секс не только приносит физиологическую разрядку. Он добавляет чувство уверенности в себе, прячет мысль о собственном ничтожестве, позволяет на какое-то время забыть о неудачах. Есенин начинает разрываться от противоречий, связанных с сексуальной жизнью. С одной стороны его влечет к милой, но не очень красивой Анне Изрядновой, старающейся помочь ему и ищущей с ним сексуального контакта, с другой стороны он весь погружен в "платоническое", искусственно созданное им самим увлечение.

Есенин наконец-то делает первый выбор, но этот "выбор" связан с ощущением привлекательности человека лишь в рамках его главных невротических потребностей: гордости, самолюбия, потребности доминировать, поиска сочувствия, самоутверждения, уменьшения чувства "базальной" тревожности. Анна, видимо, толкает его на более тесные отношения. Для Есенина непросто поступиться своими принципами и он пытается как бы внутренне оправдаться. Для него сексуальные отношения - это не просто прихоть, они включают в себя нечто большее, чем простой коитус. Есенин развивает целую философию возможности вступления с связь с девушкой, хотя в этом с обычной житейской точки зрения нет ничего необычного. Своими сомнениями он делится с Машей Бальзамовой, которой снова приходится выслушивать его почти евангельскую нравственную проповедь.

"Жизнь - это глупая шутка. Все в ней пошло и ничтожно. Ничего в ней нет святого, один сплошной и сгущенный хаос разврата. Все люди живут ради чувственных наслаждений. Но есть среди них в светлом облике непорочные, чистые, как бледные огни догорающего заката... Люди нашли идеалом красоту - и нагло стоят перед оголенной женщиной, и щупают ее жирное тело, и раздражаются похотью. И эта-то, - игра чувств, чувств постыдных, мерзких и гадких, — названо у них любовью. Так вот она, любовь! Вот чего ждут люди с трепетным замиранием сердца. «Наслаждения, наслаждения!» — кричит их бесстыдный, зараженный одуряющим запахом тела, в бессмысленном и слепом заблуждении, дух. Люди все - эгоисты. Все и каждый только любит себя и желает, чтобы все перед ним преклонялось и доставляло ему то животное чувство, — наслаждение.

Но есть люди (Есенин, скорее всего, имеет ввиду себя – *А.Л.*), которые с тоскою

проходят свой жизненный путь, и не могут они без отвращения смотреть на дикие порывы человечества к этому наслаждению. Редко улыбается им мрачная жизнь, построенная на началах преступления, увязшая в пороках и разврате и не желающая оттуда вылезти. Не могут они равнодушно переносить окружающую пустоту, и дух их тоскует и рвется к какому-то неведомому миру, и они умирают не перед раскрытыми вопросами отвратительной жизни, — увядают эти белые, чистые цветы среди кровавого болота, покрытого всею чернотой и отбросами жизни...

Человек любит не другого, а себя, и желает от него исчерпать все наслаждения. Для него безразлично, кто бы он ни был,— лишь бы ему было хорошо. Женщина, влюбившись в мужчину, в припадках страсти может отдаваться другому, а потом — раскаиваться. Но ведь этого мало, а больше нечем закрыть вины и к прошлому тоже затворены двери, и жизнь, действительно пуста, больна и глупа.

(И как бы в оправдание своих сомнений Есенин убеждает себя, да и Бальзамову заодно, что она в любой момент может подвергнуться очарованию сексуального влечения, что она слабый человек и не сможет устоять перед силой любовной страсти. —А.Л.) Я знаю, ты любишь меня; но подвернись к тебе сейчас красивый, здоровый и румяный с вьющимися волосами, другой, — крепкий по сложению и обаятельный по нежности,— и ты забудешь весь мир от одного его прикосновения, а меня и подавно, отдашь ему все свои чистые, девственные заветы. И что же, не прав ли мой вывод?

К чему же жить мне среди таких мерзавцев, расточать им священные перлы моей нежной души? Я — один, и никого нет на свете, который бы пошел мне навстречу такой же тоскующей душой; будь это мужчина или женщина, я все равно бы заключил его в свои братские объятия и осыпал бы чистыми жемчужными поцелуями, пошел бы с ним от этого чуждого мне мира, предоставляя свои цветы рвать дерзким рукам того, кто хочет наслаждения.

Я не могу так жить, рассудок мой туманится, мозг мой горит и мысли путаются, разбиваясь об острые скалы жизни, как чистые, хрустальные волны моря. Я не могу придумать, что со мной, но если так продолжится еще, — я убью себя, брошусь из своего окна и разобьюсь вдребезги об эту мертвую, пеструю и холодную мостовую".

Заметьте, снова и снова звучит в его письмах мотив ухода из жизни. Это неясно выраженная потребность выхода из конфликта путем самоуничтожения постоянно терзает Сергея и становится его навязчивым психозом. Причем происходит это в моменты тяжелого душевного кризиса, когда невротические конфликты становятся

просто раздирающими.

4. Печальные размышления о судьбе

Мало Есенину своих внутренних переживаний. А тут еще новая неприятность приходит в жизнь ищущего свой собственный путь юношу. Социал-демократическая организации в типографии Сытина давно привлекла Сергея в качестве активного участника своей деятельности. "Как в типографии, - вспоминает Изряднова, - так и в университете он слыл за передового. Посещал собрания, распространял нелегальную литературу." Конечно же, никаким передовым Есенин не был, но и не мог не включиться в революционную работу, если все вокруг него занимались ей. Как-то Есенин по глупости подписывает какое-то политическое письмо. Из-за этой случайно поставленной подписи началось полицейское расследование по делу Есенина, так как полиция стала вычислять подписавшихся под этим письмом. Несколько месяцев усердно работали сыщики и наконец вышли на Есенина. Полиция заинтересовалась его агитационной деятельностью и произвела обыск на его квартире, а затем установила за Есениным слежку. Следили целую неделю; потом произвели второй обыск и не найдя никакой нелегальной литературы, ни листовок, ни прокламаций, отстали.

Однако не эти неприятности больше всего волнуют Сергея. Участие в рабочем движении было для него поверхностным, не затрагивающим изнутри. Политическая работа не волновала его, хотя тяжелые условия жизни рабочих (да и его самого) заставляли Есенина иной раз произносить в письмах к Панфилову и Бальзамовой гневные речи в защиту угнетенного народа. Больше всего переживаний рождает в душе Сергея отсутствие хоть малейшего признания его как поэта. Все чаще и чаще рассылает он свои стихи по редакциям газет и журналов, но все безрезультатно. «У Сергея,— рассказывает Анна,— крепко сидело в голове — он большой поэт. Поэт-то поэт, а печатать нигде по печатают..»

Непризнание вызывает резкую реакцию Есенина, он снова выплескивает свои претензии Грише Панфилову:

"Я чувствую себя прескверно. Тяжело на душе, злая грусть залегла... Жизнь невеселая, жизнь терпеливая, Горько она, моя бедная, движется.

Да, я частенько завидую твоему другу Пырикову. Вероятно, его боги слишком любили, что судили ему умереть молодым... (В какой раз упоминает он о ранней

смерти, которая становится невротической навязчивой идеей Есенина – А.Л.)

Дела мои не особенно веселят. Поступил в Университет Шанявского на историко-философский отдел. Но со средствами приходится скандалить. Не знаю, как буду держаться, а силы так мало... "

Октябрь 1913 года один из самых печальных в его московской жизни. Со стихами не ладится и он готов бежать из Москвы в другое место, где он получит признание. "Живется мне тоже здесь не завидно, - снова пишет Сергей Грише Панфилову. – Думаю, во что бы то ни стало удрать в Питер. Москва — это бездушный город, и все, кто рвется к солнцу и свету, большей частью бегут от нее. Москва не есть двигатель литературного развития, а она всем пользуется готовым из Петербурга. Здесь нет ни одного журнала. Положительно ни одного. Есть, но которые только годны на помойку, вроде «Вокруг света», «Огонек». Люди здесь большей частью волки из корысти. За грош они рады продать родного брата. Все здесь построено на развлечении, а это развлечение покупают ценой крови.

Да, мельчает публика. Портятся нравы, а об остальном уж и говорить нельзя".

Есенин всю ругает небольшие, полупрофессиональные журналы, которые издавались небольшими тиражами, ожидая, тем не менее, что его стихи появятся на их страницах. Однако Анна, может, сама не осознавая этого, старается ввести Сергея в нормальную жизнь. В сентябре он поступает в Московский городской университет имени А.Л. Шанявского. Немного ранее с гордостью Есенин писал Бальзамовой: *" Я же не намерен никуда поступать, так как наука нашего времени — ложь и преступление. А читать,— я и так свой кругозор знаний расширяю анализом под собственным наблюдением. Мне нужно- себя, а не другого, напичканного чужими суждениями"*. Теперь же под влиянием Анны Изрядновой он с удовольствием ходит с ней на лекции этого народного учебного заведения.

Есенин занимался на историко-философском отделении, где слушал лекции по русской и западноевропейской литературе, истории России и Франции, истории новой философии, политической экономии, логике (все эти предметы читались на первом и втором году обучения). Но несмотря на новые впечатления, в основном все мысли Сергея были заняты лишь своим признанием как поэта. В университете он посещал исключительно лекции по литературе, а вскоре Есенин набрался смелости и поехал со своими стихами к одному из преподавателей, профессору Сакулину. Последнему стихи Сергея понравились, особенно необыкновенно поэтическое стихотворение «Вытлкался

на озере алый свет зари...». Есенин дважды прочел его профессору и получил благосклонный отзыв. Да и сам Сергей постоянно находился под впечатлением этого стихотворения и читал его вслух, по словам Сардановского "бесконечное число раз".

В январе 1914 года Есенин по-прежнему находится в состоянии депрессии. Университет Шанявского, Суриковские чтения, роман с Изрядновой - все это поверхностные, не затрагивающие душу действия. Многие есениноведы придают большое значение этим внешним явлениям жизни Сергея. Они приводят множество воспоминаний окружающих его людей, которые видели Есенина в бытовых, обычных условиях, которые мало чем отличались от их собственных. Но настоящих, глубинных переживаний и мыслей начинающего поэта его знакомые просто не могли знать, так Сергей лишь в письмах открывал душу двум своими верным друзьям. Его боль от непризнания не проходит. Он снова удручающе пишет Грише Панфилову:

"Изнуренный сажусь за письмо. Последнее время я тоже свалился с ног. У меня сильно кровь шла носом. Ничто не помогало остановить. Не ходил долго на службу, и результат — острое малокровие....

Посылаю тебе на этой неделе детский журнал, там мои стихи. Что-то грустно, Гриша. Тяжело. Один я, один кругом, один, и некому мне открыть свою душу, а люди так мелки и дики. Ты от меня далеко, а в письме всего не выразишь, ох, как хотелось бы мне с тобой повидаться. О болезни твоей глубоко скорблю и не хотел бы тебе напоминать об этом, слишком больно травить свою душу".

Но 1914 год стал переломным в жизни начинающего поэта. Наконец-то в крохотном детском журнале "Мирок" было опубликовано его стихотворение "Береза". Затем были напечатаны другие стихотворения Есенина, простые, почти детские, но уже поражающие своим мастерством и необыкновенной поэтичностью. Радость Сергей испытал необыкновенную. Он вошел в число издающихся, его начинают принимать, оценивать, признавать. Для первого своего печатного стихотворения Есенин придумывает себе звучный, эллинский псевдоним "Аристон", (хотя взял его от названия механических музыкальных ящиков «Аристон»). Сергей забыл свои обиды, своё недовольство жизнью, забыл, что обещал приехать к умирающему другу.

"Голубчик мой, [обож]ди немного. Ей-богу, ни минуты свободной. Так писать, [что] вздумается, не интересно. Благодарю глубоко за приглашение, но приехать не могу, есть дела [важ]ные дома. Вот летом, тогда с великим восторгом. *Распечатался я*

во всю ивановскую. Редактора принимают без просмотра и псевдоним мой «Аристон» сняли. Пиши, г[ово]рят, [под] своей фамилией. (курсив авт.).Получаю 15 к. за строчку. Посылаю одно из детских стихотворений. Глубоко любящий тебя Сережа".

А Гриша Панфилов, не дождавшись приезда своего друга, умер 25 февраля 1914 года от туберкулеза. Отец его в письме от 2 марта 1914 года к Есенину, который в то время находился в Москве, рассказывая о смерти сына, отмечал, что Гриша, прикованный болезнью к постели, все время вспоминал о Есенине, с волнением ждал журнала с его стихами, ответных писем. «Я прихожу в 6 часов вечера,— писал отец Гриши Есенину о последних предсмертных часах сына,— первым его вопросом было: «А что, папа, от Сережи письма нет?» Я отвечаю — нет. «Жаль, говорит, что я от него ответа не дождусь. А журнал-то прислал?» Я сказал — нет. «Скверно — повсюду неудача».

"(Какова моя персона?) Я очень изменился", - такими словами Сергей закончил свое последнее письмо к Грише. Действительно, Есенин стал другим. Его невротические сомнения и детская обиженность на всех и вся стали забываться. Сергей делает все возможное, чтобы утвердиться и получить признание. По словам Н. Сардановского: "Он считал, что поэт — это самая почетная личность в обществе. Горячо доказывал мне, что А. С. Пушкин, бесспорно, самый выдающийся человек в истории России и потому он пользуется самой большой известностью".

Полученный гонорар за первую публикацию Сергей с гордостью истратил на подарок своему отцу. Отношения их несколько наладились, хотя сначала, как мы знаем, Александр Никитич неодобрительно относился к литературным занятиям сына. Но свое мнение он высказывал без всякой резкости. Только Сергей злился и шел чуть ли не прямой разрыв с добросердечным и спокойным отцом. Теперь же в отношении Александра Никитича к сыну стала проскальзывать простая крестьянская гордость, появилось даже довольство его известностью.

В феврале 1914 года поэт С.Д. Фомин, недавно вернувшийся из Швейцарии, вспоминал, что "заходя в кружок самоучек и начинающих поэтов, я не раз встречал там Серёжу Есенина. Про него шла такая молва: - Парень - смельчак. Послушай, какие у него стихи. Он пойдет далеко! - Худенький блондин, юноша в высоких сапожках, картузике, пиджачке и цвета бордо косоворотке..."

5. Неудачный брак с Анной Изрядновой

Есенин как бы оживает от долгого сна. Еще в декабре 1913 года призрачная любовь к Бальзамовой перестает тревожить его. " Ради прежней святой любви, я прошу тебя не отмалчиваться. Если ты уже любишь другого, я не буду тебе мешать. Но я глубоко счастлив за тебя. Дозволь тогда мне быть хоть твоим другом". "Платоническим" чувствам пришел конец, и в феврале 1914 года он окончательно укрепляется в своем разрыве с Бальзамовой и окончательно "поставил крест" на Сардановской. Сергей порывает со своим прошлым, со своими юношескими увлечениями и признаниями. Впереди у него совсем другая жизнь. В начале 1914 года Есенин и Анна Изряднова вступают в гражданский брак. Молодые сняли комнатку возле Серпуховской заставы и начали совместную жизнь.

Анна Изряднова. 1914 год.

Однако невротический характер Сергея не был приспособлен для спокойного, семейного, обыденного существования. Он женился не потому, что был влюблен в Анну, а потому, что его внутренняя установка как бы говорила ему - это то, что ты должен сделать. Отчужденность от себя и других, так явно выраженная в его письмах, подсознательно заставила Есенина жениться на девушке, которую он узнал немного лучше остальных, тем более, что Анна, видимо, сама хотела выйти замуж за "сказочного херувима".

Его влечение к славе является таким сильнейшим импульсом, что Сергей постепенно начинает чувствовать не то, что хочет, а то, что должен чувствовать, желать того, что должен желать, любить то, что должен любить. Вся его переписка с Панфиловым и Бальзамовой прямо указывает на его долженствования, которые он сам себе подсознательно навязывает. Вместо приложения собственных усилий в общении с людьми, он настаивает на том, что другие должны приспособляться к нему. Вся жизнь Есенина московского периода представляет собой процесс все большего отчуждения от себя. Все, что он делает, говорит как бы утратило для него личное значение. Он не включается в свои действия. Соответственно и отношение к окружающим его людям, и даже к своей жене становится поверхностным и равнодушным. Семейный очаг, налаженный быт, уют, дети - все это не нужно эгоцентричному юноше, занятому только своими проблемами.

"Все свободное время читал, жалованье тратил на книги, журналы, нисколько не думая, как жить", - жаловалась Анна.

Между тем она ждала ребенка, а Сергей был озабочен только своими проблемами. Первый успех вскружил ему голову, и он ничего не замечает вокруг себя. В начале июня студенты разъехались на каникулы. Есенина тянет неизвестно куда, он непоседлив и нетерпелив. Его внутреннее состояние постоянно резко и капризно меняется.

Его жизнь проходит, словно в тумане. Сергей женится и не воспринимает семейную жизнь и связанную с ней ответственность. Он учится, но берет только то, что связано с его поэтическим даром, чтобы совершенствовать его и стать прославленным поэтом. Он не обращает внимания на свое окружение, и хотя вполне нормально общается со всеми, участвует в общих компаниях, обсуждениях литературы, гуляниях - все это не затрагивает его чувств и мыслей. Отчужденный от себя человек, по слова Карен Хорни, не ощущает "свой дом своим домом - он для него безличен, как комната в гостинице". Работа его тяготит, мешает творчеству.

В типографии Сытина Сергей проработал до середины мая 1914 года. «Москва неприветливая — поедем в Крым». - сказал он жене, сам не представляя до конца для чего это им надо. Анна отказалась сопровождать Сергея. "В июне он едет в Ялту, - вспоминает Изряднова. - недели через две должна была ехать и я, но так и не смогла поехать". Не позаботясь о деньгах, Есенин оказался на мели. Ему не на что было жить в Крыму. Гордость подсказала ему только один выход. "Шлет мне одно другого грознее письма, - вспоминает бедная, по уши влюбленная в своего мужа, беременная женщина, - что делать, я не знала". Через месяц Есенин пишет товарищам на фабрику, чтобы они выслали ему денег на обратный путь. Самолюбие не позволило ему просить о помощи отца, хотя и сама Анна, и друзья его обратились за не имением собственных денег к Александру Никитичу. Сергей благополучно вернулся и снова уехал в Константиново, чтобы спокойно работать в родном доме. Мало помогая по хозяйству, он, в основном, читал и писал стихи, посещал любимый им дом Поповых.

Начало учебного года в университете заставило его вернуться в Москву, но как вспоминает Анна: "Опять безденежье, без работы, живет у товарищей. А ведь взрослый, нормальный мужчина должен, работать, содержать семью. С огромной неохотой он в сентябре поступает в типографию Чернышева-Кобелькова, уже корректором. Сергей стал намного спокойнее, но снова жалуется, что "работа отнимает

очень много времени: с восьми утра до семи часов вечера, некогда стихи писать". Зато с большим удовольствием он посещает вечера студентки Марии Бауэр, дочери богатого сибирского промышленника. Мария угощает всех чаем с пирожным, кокетничает с Есениным, приглашает всех на новые театральные постановки. Правда театром Есенин никогда не увлекался, принимая только поэзию и чтение вслух своих стихотворений.

Все к Есенину относятся хорошо, ласково с воодушевлением. Их привлекает молодой, синеглазый, улыбающийся юноша. Действительно, внешне Есенин всегда привлекал людей своей нежной улыбкой, вежливостью, задором. Но что это ему стоило, мы можем понять из его последнего письма к Маше Бальзамовой, в котором он дает такой правдивый анализ своей личности, что просто удивляешься его внутренней пронизательности и пониманию самого себя, своего "гордого Я". Сергей видит себя как бы в роли Фауста, продающему душу дьяволу ради признания, ради славы и звания первого поэта.

"Мое я — это позор личности. Я выдохся, изолгался и, можно даже с успехом говорить, похоронил или продал свою душу черту, — и все за талант. Если я поймаю и буду обладать намеченным мною талантом, то он будет у самого подлого и ничтожного человека,— у меня. Смейтесь, но для Вас (вообще для людей) это — тяжелая драма.

Я разоблачил человека и показываю независимость творения.

Если я буду гений, то вместе с этим буду поганый человек (курсив мой – А.Л.).

Есенин осознал свой невротический путь "поиска славы". Но он ничего не хочет сделать, чтобы от него избавиться. Быть только первым - вот его основной девиз в поэзии и в жизни.

6. Поиск выхода из неизвестности

В декабре Есенин снова "бросает работу и отдается весь стихам, - вспоминает Изряднова, - пишет целыми днями...В конце декабря у меня родился сын. Есенину пришлось много канителиться со мной (жили мы только вдвоем). Нужно было меня отправить в больницу, заботиться о квартире. Когда я вернулась домой, у него был образцовый порядок: везде вымыто, печи истоплены, и даже обед готов и куплено пирожное, ждал. На ребенка смотрел с любопытством, все твердил: «Вот я и отец».

Потом скоро привык, полюбил его, качал, убаюкивая, пел над ним песни. Заставлял меня, укачивая, петь: «Ты пой ему больше песен».

Однако "нетронутая хорошая душа" Сергея не была предназначена для семейной жизни. Все время он занят своими стихами, пишет, печатается, выступает на собраниях, даже веселится и шутит. Семеновский, с которым Есенин познакомился в январе 1915 года, вспоминает, что "подчас Есенин казался проказливым мальчишкой. Беспричинное веселье так и брызгало из него". Он дурачился. делал вид, что хочет кончиком галстука утереть нос, сочинял озорные частушки. То ли в шутку, то ли всерьез ухаживал за некрасивой поэтессой, на собраниях садился с ней рядом, провожал ее, занимал разговором. Девушка охотно принимала ухаживания Есенина и, может быть, уже записала его в свои поклонники. Из-за этого он подрался со своим товарищем по университету. Даже на дуэль его вызвал.

Но не только поэтические бои и бои физические привлекали молодого Есенина. В последнем письме к Маше Бальзамовой он признается: "Теперь иронически скажу, что я уже не мальчик, и условия,— любовные и будничные,— у меня другие". Сергей намекает на то, что расстался со своими романтическими представлениями о женщине, о любви. Женщина, как объект сексуального удовольствия начинает привлекать его, хотя в стихах его нет и намека на эротичность. Объясняется это просто - внутри Есенина ещё не зародилась настоящая мужская любовь к женщине, совмещающая и романтику чувств, и страстное желание обладания, и нежность к своей избраннице. Сначала Сергей долго и платонически предпринимал трогательные попытки добиться любви, сочувствия, интереса к своей жизни от милой Маши, но, в конце концов, он избавляется от сентиментальных потребностей. Он постепенно решает, что подлинная привязанность не только недоступна ему, но и не существует в реальности. Он больше не хочет романтики чувств и, скорее всего, презирает их.

"Милостивая государыня! Мария Парменовна. - пишет Есенин. (Куда подевалось ласковое - Маня. — А.Л.) Когда-то, на заре моих глупых дней, были написаны мною к Вам письма маленького пажа или влюбленного мальчика.

В силу этого я прошу Вас или даже требую (так как я логически прав) прислать мне мои письма обратно. Если Вы заглядываете часто в свое будущее, то понимаете, что это необходимо.

Вы знаете, что между нами ничего нет и не было, то глупо и хранить глупые письма. Да при этом я могу искренно добавить, что хранить письма такого человека, как

я, - не достойно уважения"...

Искренний в своих письмах и в своих будущих стихах, он не жалел унижающих себя эпитетов. Эта ненависть к себе пройдет в дальнейшем через всю его поэзию, и омрачит его жизнь постоянными припадками самобичевания. А пока он резко порвал со своим прошлым. Все свое "нежное Я" Есенин отдал стихам, за внешне ласковой и девической внешностью пряча эгоизм и равнодушие.

В Есенине произошли сильные изменения. Он давно перерос любительский уровень Суриковского кружка, но славы и признания не получил. Его сборник "Радуница" был послан в Петербург литературному критику Льву Клейнборту, но результатов не было. Сергей тяготится безденежьем кружка, которому едва хватило средств на задуманный Кошкарковым журнал "Друг народа". А когда Есенина выбрали секретарем редакции, он сразу повел себя как настоящий хозяин и великий гений. Сергей заявил, что уровень стихотворений, публикующихся в новом журнале, жалок, и что надо отбирать стихи более строго. Комиссия возмутилась, и Есенин был выведен из ее состава. Но гордый и самолюбивый поэт решил сам расстаться с кружком.

Конечно, все эти поэты из народа ревновали друг друга к славе и ссорились из-за первенства, но внутрикружковские дразни все равно объединяли их, ибо они были одинаковы, похожи друг на друга.. А Есенин был другой, во всяком случае, он считал себя другим, особенным. И потому его полупрезрительное отношение к бывшим своим "метрам" стало резко бросаться в глаза. Ни их поэзия, ни их проблемы не волновали Сергея, если не были напрямую связаны с увеличением его славы и признания.

С зимы 1915 года Сергей весь во власти одной мысли - необходимо уехать в Петроград, центр тогдашней литературной России. Не зная, что ждет его в "северной" столице, он постоянно говорит о своем желании. Есенин неоднократно посылает свои стихотворения в петроградские журналы, но не получает никакого ответа. Но его стихи, печатающиеся в московских детских журнальчиках, были еще слабы и наивны. По мнению Л. Клейнборта "ничто, почти ничто не отличало его от поэтов-самоучек, певцов-горемык." Может это и останавливало столичных редакторов, заваленных стихами Бальмонта, Северянина, Гиппиус, Гумилева и многих-многих столичных поэтов "серебряного века".

Есенин шел по Тверской с Семеновским и говорил ему, что весной уедет в Петроград. Говорил, как о твердом решении. Ему казалось, что там, в центре литературной жизни, среди борьбы различных течений, легче выдвинуться молодому

писателю. Звал с собой друга, говорил, что вдвоем в незнакомом городе легче, веселее.

"Он словно предчувствовал свой будущий успех". - вспоминал Семеновский.

"— Достану к весне денег и поеду в Петроград". - эту фразу повторял Сергей всем своим знакомым. Сообщил и жене, которая сидела с маленьким сыном. Да что ему жена и сын. Мираж Славы стоял перед ним, и все обыденное, простое, человеческое отступало пред этим фантомом.

— Нет! Здесь в Москве ничего не добьешься. Надо ехать в Петроград. Ну что! Все письма со стихами возвращают ничего не печатают. Нет, надо самому... Под лежащий камень вода не течет. Славу надо брать за рога... Поеду в Петроград, пойду к Блоку. Он меня поймет...

Решение было принято, Есенин сел на поезд и поехал в неизвестность, без денег, без рекомендательных писем. Лишь одно богатство он захватил с собой - свои последние стихи.

Его восхождение к славе началось.